

Источник: Проза Алексея Ганина: поиск жанра // Пономарева Т. Новокрестьянская проза 1920-х годов. Ч. 1. Философские и художественные искания Н. Клоева, А. Ганина, П. Карпова / Т. А. Пономарева ; ГОУ ВПО "Череповец. гос. ун-т", Гуманитар. ин-т. – Череповец, 2005. – С. 234-258.

2. Проза Алексея Ганина: поиск жанра

Мифопоэтическое восприятие действительности, изображение социально-исторических процессов, которые проецируются на народные представления об идеальном мироустройстве, о гармонии между человеком и природой, свойственные новокрестьянам, сочетание монументальности эпического замысла и фрагментарности, неразвернутости текста, интерес не к индивидуальному, а к общему, присущие ранней советской прозе, отличают творчество Алексея Алексеевича Ганина, талантливого поэта и прозаика. «Ганин — это феномен русской поэзии, пока еще не только недооцененный соотечественниками, но и непознанный историками литературы. Ганин — явление поразительное настолько, насколько вообще может быть поразительна, странна, неожиданна философская лирика самого интеллектуального уровня и совершенного вкуса», — утверждает Н.М. Солнцева.² Не только поэзия, но и прозаическое творчество А. Ганина поражает грандиозностью замыслов, эпическим размахом, несмотря на малый объем сохранившихся текстов.

Ставший первой жертвой в тяжбе крестьянской России с «железным» и «нарочитым» социализмом (С. Есенин), А. Ганин был расстрелян 30-го марта 1925 года «за создание организации по борьбе с Соввластью», несмотря на то, что его послереволюци-

¹ Левин М. Текст, сюжет, жанр в новеллистическом цикле 1920-х годов. – С. 51.

² Солнцева Н.М. Китежский павлин. Филологическая проза. Документы. Факты. Версии. – М., 1992. – С. 227.

онное творчество было проникнуто идеями народовластия, воплощением которого были для него Советы.

знаком трагизма судьбы русского писателя XX века является тот факт, что, граждански реабилитированный в 1966 году, Ганин все еще остается безвестным художником, несмотря на появившиеся воспоминания, архивные материалы,¹ публикации отдельных стихотворений в периодике и издание в 1991 году избранных стихотворений, поэмы и романа «Завтра».

Научным изучением творчества А. Ганина занимались В.Г. Базанов, Ю.И. Дюжев, С.С. Куняев Е.И. Маркова, А.И. Михайлов, Н.М. Солнцева. Оно рассматривается либо в сравнении с поэзией Н. Клюева, либо в общем потоке новокрестьянской литературы и еще не стало объектом самостоятельного исследования.

В русском зарубежье о Ганине также вспоминали редко. Иванов-Разумник, который когда-то напечатал в «Скифах» (1917) ганинскую поэму «Облачные кони», посвятил Ганину несколько абзацев в книге «Писательские судьбы» (1944), характеризуя его как свободолюбивого и с открытой душой человека, «еще одного народного поэта, малоизвестного, но подававшего надежды».² Скучные сведения о жизни Ганина, которые стали известны в последнее время, противоречивы, почти не подкреплены документами.

К концу своей недолгой жизни Ганин был уже достаточно известен в Петрограде, Москве, не говоря уже о Севере. В двадцатые годы он успел издать около десяти малотиражных сборников, в основном в Вологде и чаще всего полукустарным способом. В 1920-м году в Вологодском государственном издательстве

¹ Куняев С.Ю. Жизнь и смерть поэта (о судьбе Алексея Ганина) // Вопросы литературы. – 1990. – № 6. – С. 140-154; Протоколы допроса гражданина Алексея Алексеевича Ганина / Публикация С. Куняева // Наш современник. – 1992. – № 4. – С. 159-169.

² Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. – Нью-Йорк. 1951. – С. 25. К сожалению, биографические сведения, приведенные Ивановым-Разумником, неточны. неверно названа и дата смерти.

ве вышла его поэма «Звездный корабль», а итоговый сборник «Былинное поле» был опубликован в Москве незадолго до ареста. На допросе он скажет о своих творческих замыслах: «... начаты мною работы — ряд художественно-драматических хроник, «Освобождение рабов», «Иосиф» и несколько других из истории эллинского Рима и России. Кроме того, мною начат большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет...»¹

А.И. Михайлов считает, что Ганин так и не успел сказать заметного слова в «новокрестьянской» поэзии, что его стихи значительно подернуты «эпигонским туманом символистской оторешенности», однако автор обстоятельного труда о поэтической концепции крестьянских поэтов и эволюции их творчества отмечает, что в стихотворениях А. Ганина проступают «волнующие своей знакомостью черты и контуры исконной крестьянской Руси»,² и выделяет поэму «Памяти деда» (1918), а также «Звездный корабль», сопоставимый изображением революции как космического феномена и использованием символики Апокалипсиса с «маленькими поэмами» С. Есенина 1917 — 1918 годов.

Вершиной его творчества большинство исследователей называет поэму «Былинное поле» (1924).³ В предисловии к нему Ганин назовет себя «романтиком начала XX века».

Мифологический сюжет, образы, пришедшие из русских былин и сказок, раскрывают современную судьбу России, ее борьбу с «черной нежитью», «нечистой хапучей», показывают распад «великой рати, черносошной силы» и гибель правнука Микулы». Надежда на «великую сварбу» (свадьбу), на преобра-

¹ Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. — 2 изд. — М., 1997. — С. 353.

² Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. — Л., 1990. — С. 152.

³ См.: Романов А.А. «В минуте грозы — на столетье беды»... Поэт Алексей Ганин и его лучшее творение // Литературная Россия. — 1990. — 18 мая. — С. 16; Маркова Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. — Петрозаводск, 1997.

жение «сонной Руси», на союз *Лады-Красоты* и *пахаря* не сбылась. В этом произведении, как и в других, отразилось разочарование Ганина в русской революции и одновременно непобедимая вера поэта в то, что «светлая Лада через тысячу лет да объявится». Не случайно главным сюжетным мотивом является движение Микулова правнука как символ приближения к будущей гармонии земли и неба, труда и красоты.¹

Алексей Ганин, начав с лирических стихотворений, в 1916 — 1919-х годах также перейдет к большим лиро-эпическим жанрам. В его творческом наследии есть восемь поэм. Большинство из них написаны в 1917 — 1919 годах: «Звездный корабль» — 1916 — 1917 гг., «Священный клич», «Сарай», «Честь, богатство и слава, и власть» — 1917 год, «Облачные кони», «Памяти деда» — 1918 год, «Разуму» — 1919. Над главной своей поэмой «Былинное поле» он начал работать в 1917 году и закончил ее в 1923. Отсутствует датировка поэмы «Мешок алмазов», опубликованной в 1921 году.

В 1920-е годы Ганина привлекает проза, но, к сожалению, его грандиозным эпическим замыслам, о которых он говорил на допросе, не суждено было сбыться. Его роман «Завтра» считается незавершенным. Кроме рассказа «Иван и корова», других прозаических тексты писателя не найдено. Лишь в результате совместного труда многих исследователей можно воссоздать художественный мир поэта.

2.1. Человек и обстоятельства (рассказ «Иван и корова»)

В творческой эволюции Ганина выявляется типологическое родство со всеми новокрестьянами: усиление эпического начала в поэзии, прямое обращение к эпосу (лиро-эпическим жанрам, к прозе), стремление дать, пусть в мифологизированной форме,

¹ Романов А.А. Указ. соч.

широкую историческую картину, подкрепить субъективно-лирическое, индивидуальное отношение к событиям современности эпическим изображением судьбы России в ее историческом движении и народного сознания, интерес к событийному сюжету, к эпическому времени, включение в повествование объективированных персонажей и реальных картин крестьянской жизни. Первым прозаическим опытом А. Ганина был рассказ «Иван и корова», опубликованный в 1923 году в вологодском журнале «Кооперация Севера». В нем раскрывается традиционная для русской литературы тема маленького человека и изображается печальная судьба бедного крестьянина-бобыля Ивана Дементьева, по кличке Ваньчаха Дохлый. Автор описывает его фантастический сон героя, разговор с мертвой коровой. Композиция традиционна для произведения, в сюжет которого вставляется сон героя. Обрамление связывает сновидение с действительностью таким образом, что выявляется условность фантастики и реальность сновидения.

В начале повествования автор единственной фразой, не раскрашенной никаким эпитетом, никаким «лишним» словом, рисует семейное и социальное положение героя: «Бобылю Ивану Дементьеву, по-деревенски Ваньчахе Дохлому, приснилась несурaziца».¹ Фантастический и страшный «диалог» Ваньчахи со своей коровой, «что сдохла еще в позапрошлом году», раскрывает одиночество героя, его печальную и незавидную судьбу, бедность, подчеркнутые деревенским прозвищем. В финале кошмар, казалось бы, заканчивается: когда Ваньчаха проснулся, «в окно смотрело утреннее солнышко, ласковое, веселое».² Но пробуждение героя не стирает грань между реальностью и сном, читатель понимает, что все, сказанное коровой своему хозяину, правда одиночества и бедности, намеченная в обрамлении, продолжена первой фразой рассказа о сновидении: во сне Иван си-

¹ Ганин А.А. Иван и корова // Кооперация Севера. – 1923. – № 6. – С. 74.

² Там же. – С. 77.

дит «один единешенек» в коровьем хлеву на мерзлом навозе. Повторяющиеся эпитеты «гнилой» и «дырявый» — дырявая крыша, гнилая грабельница и остатки гнилой соломы, пошатнувшийся гнилой двор с торчащими стропилами, крыша, которая «совсем пакнула», — говорят о безвыходности ситуации, когда «идти тоже некуда». События сна переданы в восприятии героя, «персонажный план» преобладает в повествовании, лишь иногда вводится авторский голос, комментирующий реплики обоих персонажей.

Некоторые особенности повествования в рассказе «Иван и корова» будут развиты в романе «Завтра». В обоих произведениях диалог является одним из основных композиционных приемов. Главную роль в «разговоре» играет корова, а краткие реплики Ивана либо подтверждают факты, либо поясняют — оправдывают его поступки. В последнем большом, занимающем полстраницы журнального текста, монологе крестьянин вспоминает свою жизнь. Внешнего действия нет ни в бытовой, ни в сновидческой реальности, фабула судьбы Ивана сведена до констатации нескольких событий: кормить корову нечем, телка родилась мертвой, умирающую корову пришлось прирезать, «от тоски да от сухоты преставилась» жена, умер новорожденный сын. Об этих фактах мы узнаем не из авторского повествования, а из монолога героя, без подробностей и деталей, что также будет свойственно роману «Завтра». Сближают оба текста и отдельные образы, имеющие символическое и мифологическое значение: «дорога», «зарок», «темный», «гнилой», «болото».

Время действия не определено. Основные события — череда смертей — произошли за два года до сновидения. Детали указывают на дореволюционную действительность: упоминание о «земском», который порол, бывало, Ивана, о податях, за которые также «у старосты били, да еще как», об обидах, которые «на возу не уложить», «оброшной книге», которая выполняет роль «паспорта», о «царевой службе». Описание нравов деревни также характеризует дореволюционную эпоху: бессмысленные драки,

оттого, что «работы кулакам не было», побоища из-за отравленной травы, безысходность жизни бедняка, полное отсутствие моральной поддержки и сочувствия со стороны «мира». Единственной нравственной опорой для героя остается природа, ласковое и веселое солнышко. Эпитет «веселый» в конце текста также напоминает о «веселой» жизни новой деревни в романе «Завтра».

Рассказ «Иван и корова» вписывается в обличительную линию русской литературы и крестьянской прозы, в частности. Его главная тема — тяжелая жизнь и нравственное унижение бедняка. В рассказе нет ни традиционного для советской социальной прозы контраста старого и нового, ни «революционных» заключений от автора, ни изображения новой действительности. Авторское неприятие «черной» жизни, которая делает сердце героя «каменным», выражено в почти бесстрастных описаниях жизненных невзгод и унижений героя, в сопоставлении человеческих страданий коровы и животной жизни человека, которое подчеркнуто сочинительным союзом заглавия и подтверждено текстом.

В сновидческом повествовании подчеркнут темный и черный ужас, испытываемый героем. При этом по законам сновидения-кошмара ужас не мотивирован логикой обыденного: Иван пугается привычного хлева и своей коровы. Атмосфера ужасного нагнетается: «темный угол», «черная солома», «мутный столбик света блестится, будто нога удавленника», «кто-то стоящий в углу», желание и невозможность перекреститься, страх, захлестнувший душу, наконец, человечьа речь коровы с ободранной головой. Ужас реальной жизни материализуется в облике мертвой коровы из сна, со шкурой, прикипевшей к ребрам.

Корова упрекает Ваньчаху, за то, что тот не обеспечил ей достойного «жизья» и винит его в своих бедах. Издохшая корова первая говорит об одинаковости их существования: «До — ох — хлый ты, дохлый, и сам ты не бе... и мне жизья не было...; «Моя судьба тебя не минует». На родство персонажей, параллельность

печальных судеб (общие утраты близких, тот же голод, то же чувство обиды, те же побои) указывает и авторская ремарка: «Смотрят друг на друга мужик и корова, будто судьбой меняются». Иван начинает задумываться о смысле жизни: «Почто она? кому понадобилась? За что бессловесной твари такая участь, а человеку положен зарок животный? Снова жизнь-та... сначала».

Иван вынужден признать, что его «настоящее хрестьянское имя» Иван Дементьев пропало, «остался один Ваньчаха, да и тот с негожим, собачьим прозвищем». Обида вытесняет горечь нищеты. Монолог Ивана начинается с чувства горечи от «пропажи» настоящего христианского имени («Рази хрещеное имя шкуре чета?») и замены его кличкой, данной, очевидно, после того, как его корова сдохла. Монолог превращается в воспоминания о побоях, «зуботычинах», «оплеушинах», битье «жердьем да кирпичами» «просто для праздника», которые прежде всего вызывают чувство морального унижения «от срама»: «Рази приятно?» Воспоминания помогают Ивану понять, что «христианское имя» утрачено им давно, что вся его жизнь сводилась к животному бесправно-униженному существованию. Фраза героя: «Был Иван Дементьев и не стало», — дополняется репликой коровы: «А Ивана Дементьева вовсе и не бывало». Господь Бог, по горестному замечанию Ивана, положил ему «на житье», может, «тыщу лет», но ему и «полста» не вытянуть.

Обида приводит не к социальному взрыву, а к отчаянию, «потный и злой», бьет Иван ни в чем не повинную корову, как били его. У человека убита душа: «Каменное сердце мое, тяжелое, да рази я враг? рази я сам отяжелил себе душу?»; «а я вот забыл, какие у меня слезы».

В маленьком рассказе Ганину удалось показать типическую судьбу крестьянина-бедняка, воссоздать традиционный народный характер. Иван покорен судьбе, пассивен, не способен к активному протесту, может лишь заливать горе вином. Свои несчастья он оценивает как выпавшую неудачу, как «худую дорогу», которую надо пройти. В отличие от коровы, после смерти он не хочет

«людей беспокоить»: «Где такая обида, чтоб не простится...». Этим объясняется и финал сновидения. Корова снова упрекает Ивана: «Дохлый ты. Был Дохлый. Дохлый и будешь». Троекратный повтор прозвища усиливает впечатление нежизнеспособности героя.

Участь коровы служит обвинением герою. «Речь» животного полна негодования, наконец, она, пырнув рогом в Ваньчаино брюхо, понесла его, «будто вихрь, без пути, без дороги». Злобная агрессия коровы, побеждающая ее вздохи-жалость к Ивану, уравнивается с абсолютной покорностью героя. Неприятие и отвращение к разрушительной злобе создается с помощью деталей и образов, символизирующих уродство, нежизнеспособность: «сухость» («будто сухая валежина»), однороговость, «желтые зубы», ободранность, «кровь», «падаль» («дымятся голые коровьи бока», «сочатся красные струйки», дышит падалью да гнилой соломой, храпит»). Значимым для раскрытия образа Ивана является отсутствие движения, повторение глаголов и прилагательных, указывающих на созерцательное отношение героя к действительности: «сидит», «смотрит», «видит», «хотел уйти, не мог», «сокрушенно вздыхает», «не живой, не мертвый».

Пейзажная картина, завершающая сновидение, мрачна: «Кругом пустырь да запалины, да болота. Ни души, и небо черное, как яма. И душно стало ему, от крови животной душно, от прелого мяса. И вскрикнул Ваньчаха».¹ Пейзаж символизирует бесперспективную слепую злобу, направленную на того, кто сам является жертвой обстоятельств. Когда-то Иван своими побоями ускорил коровью смерть, теперь корова хочет завершить то, что сделала жизнь с героем.

Семантика повторяющихся пейзажных образов Ганина уточняется при сопоставлении рассказа с романом «Завтра», в котором они приобретут развернутый характер: «болото» (в значе-

¹ Там же. – С. 77.

нии неподлинного существования), «дорога» (путь к жизненной гармонии). Образ «вихря» совпадает с народными представлениями о буйстве бесовских сил. «Бесовское» понимается в рассказе в нравственно-этическом значении как неистинное. «Пустырь», «черное небо», «яма» — знаки душевного и социального одиночества героя, его отчаяния, незнания им пути к иной, достойной жизни.

Неожиданное пробуждение Ваньчахи освобождает его от коровьего плена-бега в пустоте. Солнечный свет в конце рассказа открывает некую перспективу судьбы героя, хотя она обусловлена не его характером, а мировосприятием автора, его верой в торжество народной жизни.

Рассказ «Иван и корова» говорил о социальной направленности прозы А. Ганина, мифомышление которого сочеталось с верой в социальное переустройство негармонической действительности, в преодоление народом пассивности, покорности социальным обстоятельствам, в торжество созидательной активности личности, которые приведут к расцвету природного бытия человека.

2.2. Сюжет, конфликт, действительность (роман «Завтра»)

Путь крестьянства к желаемому завтра станет темой романа Ганина «Завтра», печатавшегося в том же журнале «Кооперация Севера», что и его рассказ. Ганин первым среди новокрестьян обратился к жанру романа, перейдя от изображения отдельного характера к воссозданию народной жизни.

В предисловии к публикации романа С.С. Куняев пишет, что он «интересен не столько своими художественными достоинствами, сколько подробностями быта глухого угла российской про-

винции, затерянного меж лесов Вологодской губернии».¹ Однако не художественный этнографизм привлекал поэта. Как С. Есенин, он уходит от мифологических абстракций первых послереволюционных лет и отражает реальные социальные конфликты. Мифологическое в «Завтра» присутствует как стилевая окраска, мифологическая праоснова метафор, как единичные образы, как отражение мифологического сознания некоторых персонажей, а не как целостное представление о природном космосе, присущее Н. Клюеву и С. Клычкову.

Роман Ганина посвящен «описанию жизни деревни Загнетино, прошлой, настоящей и будущей». Название деревни — *Загнетино* символично. В заголовке содержится внутренняя оппозиция настоящего и будущего. «Завтра» — это ганинский вариант крестьянской утопии и одновременно ее опровержение, отказ от утопических идей и обращение к реальным противоречиям русской действительности и национального характера.

Автор разрушает представление о патриархальной крестьянской идиллии, которому отдали дань все новокрестьяне, в том числе и сам он в раннем творчестве. В «Завтра» Ганин рисует бедную северную природу, скудные покосы, тяжелый крестьянский труд. Прозаические детали раскрывают реальную бытовую и социальную жизнь северного мужика, во многом несовершенную и неустроенную.

Мечта героев романа о лучшей жизни лишена религиозно-мифологической окраски и мыслится в социально конкретных образах: «... поговорку «никто, как Бог», надо бросить, а надо говорить: никто, как сам человек. И верно. Рази люди с неба добро натаскали? Нет. Дадена земля человеку — ее и люби. И делай, как те удобней, да чтоб твоя удоба сотне каторгой не была».² В

¹ Куняев С.С. Последний Лель // Последний Лель. Проза поэтов есенинского круга. — М., 1989. — С. 6.

² Ганин А.А. Стихотворения. Поэмы. Роман / Составление, предисловие, комментарий С.Ю. Куняева и С.С. Куняева. — Архангельск, 1991. — С. 206. Да-
244

начале романа Ганин подчеркнуто противопоставляет мистическое понимание событий и явлений жизни их реальному объяснению. Слухи, будто лес «загражден «преподобным» от высокого роста, чтоб дальше виднелась монастырская золоченая маковка», сразу же отвергаются автором. Любые изменения в социальном и природном мире — дело рук человеческих: «Но это не верно, это — только глухое поверье. А нет здесь высокого леса потому именно, что ездят сюда загнетинские из году в год по зимнему первопутку за дровами. Рубят всем обществом — кому что попало, рубит всякий — где хочет, и, таким манером, каждая березка, каждое дерево в две — три сажени уничтожается, — вот и весь зарок, и «преподобные тут не причем» (С. 174).

Образ «завтра» как желаемого будущего соотносится не с клюевской идеей Великого Преображения и Воскресения, а с улучшением конкретных условий и обстоятельств социально-бытовой жизни в результате сегодняшней творческой деятельности человека, в частности, свободного крестьянина. «Сегодня» — это пореволюционная деревня. Время в романе локализовано, действие происходит после революции и гражданской войны, «великой передраги». Автор указывает конкретные временные ориентиры: «Ноне первый после многих черных и бурных годов... Вернулись к бабам мужья». Конкретизация образа времени проявляется также в разговорах мужиков о германском плене, продразверстке.

Жанр романа позволяет раздвинуть фабульные рамки повествования, появляется метафорическое сравнение прошлого («черных годов») и «веселого» мирного времени: «Было тяжелое, черное, — взорвалось, прошло. Будто и не было этих черных годов, будто никто и не стоял под пулями. Только те, кто так долго и упорно боролись за жизнь, разумнее любят жизнь и по-новому знают цену хорошему» (С. 177). Мир и привычный крестьянский

лее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

труд на земле в настоящем — это и есть «маленькое начало грядущего» (так называется вторая глава).

В романе найдет продолжение традиционный для народнической литературы мотив «власти земли», приобретающий мистическую окраску. Художественное мышление Ганина мифопоэтично. Сюжет романа развивается на конкретно-бытовом и символическом уровнях.

Ганин, как и его собратья по перу, поэтизирует природу, хотя поэтизация не принимает, как у Н. Клюева и С. Клычкова, форму эстетизации природной жизни как единственной возможности гармонического социального мироустройства. Поэтическое описание жизни природы и человека внутри нее, ощущение радостных перемен обуславливает появление в романе сквозного мотива веселья: «Действительно, веселье лесу. Каждый крутышек густо увешан птичьими говорами; оттого и лес как будто крылатый на воздухе. Вдруг будто какой-то миг, и подымется он в синеву; улыбнется оттуда кудрявый березняк и поплывет. Поплывет он, загнетинский лес, за солнцем, наполненный птичьими говорами и звонами загнетинских голосов, как зеленое яблоко и растает» (С. 186).

Из двенадцати глав в названиях трех заявлена тема «веселья»: «Несколько слов о дяде Иване и его радости» (V глава), «Веселая ягода» (VII глава), «Весело слово и веселый пожар» (XI глава). Почти в каждой главе повторяется «веселая» лексика, кроме VIII главы — «Мертвый зыбун» и X — «О свистулешниках», где отсутствие лексемы «весело» сюжетно и концептуально мотивировано. В большинстве случаев в пейзажных зарисовках употребляются обычные, не мифопоэтические, образы, метафоры и олицетворения, за исключением образа болота и морока. А. Ганину не был свойственен философский пантеизм и антропоцентризм, присущий С. Клычкову.

Сюжет романа — это поиск героями и автором путей в будущее. Ганин сводит событийное действие до минимума: рассказ о лесной дороге на сенокос, три дня которого сжаты до точечного

описания, и возвращение домой через болото. В символическом сюжете раскрывается идея «лучшей дороги». Социальная дисгармония крестьянской жизни выявляется в авторских характеристиках, разговорах мужиков. Композиция романа подчиняется теме пути в «завтра». Внешняя архитектоника, названия глав и подзаголовки акцентируют внимание на мотиве движения от негармонического прошлого и настоящего к лучшему будущему: первая глава — «Через болото», последняя — «Конец болоту и новый зарок», что находит соответствие в изображении дороги мужиков через болото к дому.

Сегодняшнее несовершенство социальной и природной жизни объясняется не библейским «злом» или «духовным гноением», как в публицистике Н. Клюева, а социально-историческими испытаниями, недостатками русского национального характера.

Мифопоэтические образы очистительного пожара и Апокалипсиса, центральные в «мифопоэтическом романтизме», сменяются психологической метафорой «веселого пожара» (XI глава), в душе Прохора: «... и то, что гнело в груди у Прохора. как стог прошлогоднего сена, вспыхнуло и загорелось. И закорчились в груди у Прохора древние страхи и бреды болотные, сгорая в веселом пожаре». При этом «веселый пожар» в душе героя возникает от «веселого» социально-бытового слова — организация: «... не Бог тут надо, молитвой дороги не сделать, молитвой и поля не засеять, а дураку да лодырю-живодеру оправданье, — тут надо организация» (С. 210).

Идеи строительства новой жизни основываются на конкретных социально-политических реалиях: «И организацию выдумать неча... тоже есть кооперация и советы... только по-настоящему возьми, по правде, во всю их ширь, и не сгинешь» (С. 212).

Как и в рассказах П. Карпова, в романе Ганина намечен конфликт деревни и государства. «А коси, вот, к примеру, коси, а масло, скажем, от коровы снеси. Вот притча... А себе и губы помазать нечем», — вспоминает Чепя о продрозверстке. Но мнение

мужика, у которого «землю spravляли работники», не принимается во внимание, и конфликт не получает сюжетного развития: «Ничего, Михей Митрич, нам бабы опять напахтают, а ты и без масла хорош» (С. 186).

Вечно неизменной природной жизни загнетинцев противостоит желаемое завтра, связанное, по мысли героев, с революционными преобразованиями, но героев Ганина интересует не политический смысл событий, а социальное и нравственное содержание «земельной» реформы: «Вышла воля, и все изменилось», у кулаков отобрали «лишнюю» землю. В репликах мужиков обозначены будущие социальные антагонизмы, перемены в деревне еще не сделали крестьянина хозяином земли, ответственным за нее: «Нахватали вот земли, а толку нет... И земля родить перестала. Земля, она тоже хозяйственную руку знает, а теперь разве хозяева» (С. 188). У крестьянина должно чувство ответственности за землю.

Подлинное «всеу обновление» — это будущее преображение жизни «трудом и разумом». В поэтическом и философском споре Клюева и Есенина, какой быть новой Руси (градом Инонией, «где живет божество живых», или новым Китежем) Ганин разделяет взгляд Есенина. «Глупой работе», не способной ничего изменить и не приносящей радости, автор романа противопоставляет разумный человеческий труд, когда «ум в руки». И первое условие этого — научная организация труда, использование машин, новых сельскохозяйственных технологий, с которыми уже знакома Европа.

Отношение Ганина к традиционному для новокрестьянской литературы конфликту природы и цивилизации схоже с взглядами Есенина в «Стране негодяев», сформировавшимися во время пребывания в Америке: «Здесь одно лишь нужно лекарство — сеть шоссе и железных дорог». Взгляды А. Ганина совпадают с концепцией «второй природы», то есть улучшенной, преобразованной разумом и творческой деятельностью человека, которая выявляется в 1930-е годы в прозе К. Паустовского, М. Пришви-

на, Л. Леонова.¹ В творчестве этих художников раскрывается не пафос покорения природы, типичный для «производственной прозы» этого периода, а необходимость помощи природе, когда она сама не в силах справиться с собственным несовершенством: бесплодными пустынями, суховеями, болотами. При этом новое бытие Руси, деревни Загнетино остается для автора романа «Завтра» природным, понимается как единение человека и природы.

Социальная форма «чувства природы» как понятия, синтезирующего философские, социальные, эстетические отношения к природе, преобладает у Ганина над мифологизацией природы.² Социальность сближает прозу А. Ганина с творчеством А. Невеорова, М. Шолохова, В. Шишкова. Объединяет художников также вера в необходимость сохранения природного традиционного уклада и внимание к русскому национальному характеру, крестьянской среде как его истоку. Как и у этих авторов, в прозе Ганина нет идеализации патриархального крестьянского бытия, но природное существование понимается как универсальная форма национальной самобытности. Путь Ганина-писателя совпадает с движением всей новокрестьянской литературы 20-х годов к социальной проблематике при сохранении философского осмысления природы и человека как ее составной части. Он отразится в творческой эволюции С. Клычкова от романа «Сахарный немец» до «Князя мира».

Особенность повествования в романе «Завтра» состоит в том, что главным в нем является не изображение объективированных событий или взаимоотношений персонажей, а разговоры-споры

¹ См., например: *Ачкасова Л.С.* Идея «второй природы» в творчестве К. Паустовского (о своеобразии решения проблемы «человек и природа» в современной советской литературе // *Человек и природа в советской прозе: Межвуз. сб. науч. тр.* – Сыктывкар. 1980. – С. 25-40.

² О категории «чувство природы» и ее типологии (естественно-научное, социальная и мифологическая форма чувства природы) см. монографию Гурленовой Л.В. «Чувство природы в русской литературе 1920 — 1930-х. – Сыктывкар. 1998.

мужиков, как улучшить свое житье-бытье. А. Ганину не свойственны пространные описания и размышления, за исключением первой главы «Через болото», в которой даже подзаголовок пространен и «нравоучителен»: «Несколько предварительных слов о загнетинской вотчине и о нравах ее обитателей».

В своем творчестве Ганин, по верному замечанию Н.М. Солнцевой, воплотил два лика Руси — покорность и бунтарство. В рассказе «Иван и корова» был изображен тип человека-жертвы. В «Завтра» представлены два лика Руси, два типа отношения к миру — покорность, пассивность («никто, как Бог») и созидаящая новый мир активная человеческая деятельность, свободный труд («никто, как сам человек»).

Писатель сталкивает разные типы крестьянского сознания в диалогах и репликах. В романе Ганина выявилась такая яркая форма создания характера в ранней советской прозе как «извлечение «голоса» человека из многоголосия или введение прямой речи, «слова» героя. Речь героя или образует рассказ или составляет композиционно выделенную единицу, относительно самостоятельное целое в большом произведении».¹ Речь героев — главный прием раскрытия персонажа в романе «Завтра», при этом автору важна позиция героя, а не его психология или индивидуальная судьба. Незавернутость характера как следствие повышенного внимания к народному целому, перенос общих черт класса, социальной среды, социального уклада на отдельного персонажа, который становится носителем определенного типа сознания — еще одна особенность прозы первой половины 1920-х годов, которая заявляет о себе в романе А. Ганина.

Носителями советского сознания являются молодые мужики, за плечами, у которых опыт войны и революции. Именно они беседуют о травосеянии, дренаже, густых клеверах. А кто-то из

¹ Драгомирецкая Н.В. Стилевые искания в ранней советской прозе // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Книга III. Стиль. Произведение. Литературное развитие. — М., 1965. — С. 161.

старших серьезно «резонничает»: «Ну, этакая нам не к чему». Столкновение нового, революционного, и старого, косного, романтическая антитеза «молодости» и «старости», молодого «безумия» и «рассудка» были традиционными для романтической поэзии Н. Асеева, Э. Багрицкого. Художественное мышление новокрестьян, сближаясь с романтическим, было противоположным по осмыслению социальной действительности и по типу героя.

Символом русского народа-богатыря является в романе Прохор, который «сороковую страду ходит по пням и болотам»: «Дядя Прохор мужик крепкий, светлородый, этакая грудища да плечи, — прямо бессмертный. Ноги у дяди Прохора — тоже не сковырнешь...» (С. 180). Физическая сила — неперенный атрибут народного героя в литературе тех лет. В «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова партизанский вожак восхищает повествователя своей стихийной силой, вобравшей мощь и стихию народа: «Вершинин — туча, куда мужики, туда и он с дождем». В ганинском Прохоре совмещается герой-богатырь и герой-правдоискатель. Его гнетут «туманные и тяжелые думы», мучительные размышления о судьбе деревни, русская тоска. Неприятие «пней» и «болот», мысль о необходимости переустройства крестьянской жизни выделяют Прохора и молодого Мишку Клюку среди других персонажей.

Иной тип крестьянина, человека с пассивно-созерцательным отношением к жизни представляет в романе друг Прохора с детских лет — Иван. Иван — новый вариант тургеневского Калиныча. Он принимает действительность такой, как она есть, радуется хорошей погоде, пению птиц, лесным ягодам, общению с людьми. Для Прохора крестьянская «жись... наша-то... да работа, мученье одно, а не жись», для Ивана — все «благодать», на неё он не налюбуется. Ганинский портрет Ивана соответствует мировидению персонажа: «Весело разбегаются по иконному лицу у Ивана лучики — морщинки у глаз, и сквозь голубые глаза — и небу, и высокому солнышку, и лесу сегодня, может, в тысячный

раз снова заулыбалось Иваново сердце. С виду Иван совсем преподобный, а пиджак на Иване настоящий, мужичий, помят и землей выпачкан: "Благодать» (С. 185). Слово «преподобный» в романе имеет значение вымышленного, выдуманного, и его использование с усилительной частицей («совсем преподобный») придает иронический оттенок авторскому описанию жизни благодати.

Ганин, единственный раз в романе, размыкает рамки фабульного повествования и вводит рассказ о прошлом Прохора и Ивана. Когда-то, еще детьми, заблудившись, они вышли к монастырю, монах накормил их и отвел к родителям. До сих пор мужики не знают, то ли их бес водил («клубило»), то ли просто потеряли дорогу. Этот случай стал жизненным уроком Ивану и истоком его мировосприятия: «Преподобные выведут».

В сюжете нет прямого опровержения того, что спас мальчишек «монастырь», но некоторые детали свидетельствуют о «небожественном» спасении. Это дети разбудили привратника свистом дудок, сначала он принял их за бесовское наваждение, потом отодрал уши за испытанный страх и лишь затем помог.

Третий тип крестьянского сознания воплощает Мишка Клюка, знающий, что и как надо менять в жизни. Противником преобразований выступает Михей Митрич, по прозвищу Чепа, «мужик богатый и не дурак, только хитер».

Все имена в романе не несут фольклорно-мифологической нагрузки: Прохор, Агафейка, Мишка. Библейское имя Иван воспринимается как единично-конкретное — дядя Иван. В других случаях даны сниженные клички — Чепа, Мишка Клюка.

В «Завтра» намечена некоторая индивидуализация персонажей, которая совпадает с тенденциями развития литературы 1920-х годов. Смелый в суждениях Мишка отличается от приземленно-прагматичного, жадного и недобро-насмешливого Чепы или восторженного Ивана. Психологизация личности дополняется социальной конкретизацией. Мишка — бывший батрак, фронтовик. Чепа, у которого когда-то было много земли, доставшейся

от деда-старосты, никогда не пахал и не сеял, а жил широко, «панствовал», торговал «всякой всячиной», «Но вышла воля, и все изменилось», а землю излишнюю взяли. Прохор — середняктруженик. Бытовая и социальная определенность создается с помощью подробностей прошлой жизни героев. Персонажи А. Ганина — это представители разных социальных слоев и одновременно вечные типы русского национального характера.

Роман поражает верой автора и героев в будущее. Мифологические представления об устройстве вселенной сохранились лишь у баб, их разговоры о чудесах, рае, бесовских проделках оттеняют размышления мужиков, «как бы жизнь на земле устроить». Настоящее кажется неистинным, «невзаправдашним», «пошехонским», которое должно смениться «разумно устроенным» «завтра».

Знаком настоящего в романе является болото. Его образ раскрывается в конкретном сюжетном значении (реальное лесное пространство), а также в символическом и мифологическом, основанном на представлении о месте пребывания нечистой силы.¹ Болото — символ неподлинной искореженной жизни, дисгармонии, темноты, искаженных, спутанных, темных понятий о жизни. Символическое значение «болота» проецируется на своеобразии национального менталитета. Беда загнетинцев в том, что у них — «болото в башке». Причина бытовой и социальной неустроенности кроется в их покорности, пассивности, нежелании

¹ Мифологическое болото — излюбленное место пребывания нечистой силы, чертей, лешего, что закрепилось в народном сознании в десятках поговорок и пословиц о «тихом болоте, где водятся черти: «Наиболее часто их предполагают находить и рассчитывают чаще встретить в тех трущобах, где дремучие леса разрезаются сплошными полосами недоступных болот». — пишет С.В. Максимов. Нечистая сила очерчивает свои владения кругом. «Этот круг возымел особое действие и силу: всякий, попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения» (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила // Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. — Смоленск. 1995. — С. 247, 249).

многих менять свои отношения с миром, в том числе и природным. Такое мировосприятие свойственно «большинству», массе *загнетинцев*, безликих мужиков и баб. Лишь немногие индивидуализированные персонажи имеют свое мнение, могут его выразить и отстоять. Поэтому финал романа далек от оптимизма.

Мотив трудного преодоления болота, кружения, «клубления», в романе имеет большое значение и связан с темой возвращения домой. При этом «дом» также приобретает мифологическое значение «защиты» от власти болот и, нечистой силы, превращается в образ христианской святости, хотя эта семантика не обнажается, а лишь угадывается в подтексте.

В композиции романа, в развитии образных мотивов четко выражена идея преодоления «болота». В событийном сюжете, показывая мужиков и их отношение к миру, Ганин изображает сомнения крестьян в возможностях легкого переустройства жизни: «Ермания тебе не Загнетино», «нужда всех, как меленку треплет». Неверие мотивируется не только особенностями русской души, но и жизненным опытом, загнетинцы видят, что результаты социальных трансформаций, индустриализации крестьянской России остаются пока плачевными: «И заводы, знаем, ходят..., а пуп голый. Вот тебе и дешевые ситцы». Символические образы, имеющие мифологическую основу — тучи грозной, которая может унести все Загнетино, «и следа не сыщешь», раскрывают тему власти болота.

Девятая глава «Об оглохшей минуте» начинается с авторского описания нелепой и страшной загнетинской скуки, когда станет человеку темно, скучно и жутко, той самой русской тоски, причиной которой является неподвижность жизни. И сразу же конкретно-бытовой образ скуки переходит в нереальную, мистическую тоску: «Это минута бессознательных, глухонемых прорастаний, слепых и беспутных прозрений в глухонемые века, полные бреда и всяческой скверны и ужасов, в века, прошедшие над Загнетиным и везде» (С. 202). Такие трансформации кон-

кретно-бытового в символическое и мифологическое прослеживаются во всем тексте.

В «Завтра» происходит трансформация постоянных мифологических образов. Так в самом начале романа появляются образы Запада и Востока: «По всей загнетинской вотчине, с неизвестных времен, хлеснулась с востока на запад широкая просека. На востоке, где стрелкой теряется просека, горит в синеве золоченая маковка Дионисия Глушицкого «чудотворца», а на западе <...> болото казенное, а еще дальше зеленый пригорок, туда и лежит дорога загнетинских к дому» (С. 173). Известно, что Восток и Запад входят в ряд бинарных оппозиций мировой мифологии. «Соотношение «хороший» — «плохой» определяет смысловую символику востока — святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность, изначальность, и запада — нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность».¹

Восток и Запад в романе «Завтра» получают нетрадиционное и противоречивое толкование. С одной стороны — на востоке романного пространства находится монастырь, святое место.² Но «божественное» в романе лишено мистического ореола, а монастырские «праведники» — всемогущества. С другой стороны — дом загнетинцев находится на западе, что разрушает традиционную смысловую символику. Заметим, кстати, что образ дома в поэтике романа не вырастает до мифологемы и даже до символа, оставаясь конкретным топосом и знаком загнетинской жизни.

Роман завершается столкновением «чугунки», задавившей кобылу (традиционный архетипический мотив новокрестьянской литературы дан в «Завтра» как бытовое происшествие, о котором

¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 121.

² По представлениям славян, восток был жилищем Бога, а запад — сатаны. Если идти на запад, дойдешь до ада, на восток — до рая. Не зря в народных русских легендах «праведные страны». Беловодье, Опоньское царство находились именно на востоке.

говорят бабы, и которое вписывается в их рассказы о «чудесах») и описанием «подгорающих облаков в огненно-красном пожаре», плывущих с востока на запад. Пейзаж имеет символический характер. Трижды в двух небольших предложениях повторяется слово «облака» («облака», но облака «в огненно-красном пожаре»; «и плывут они, облака»).

Символика пейзажа может быть истолкована по-разному. «Движение, действие или течение, направленное с востока и идущее на запад, воспринималось как положительное».¹ Огненно-красный небесный пожар — традиционная для литературы пореволюционных лет мифометафора мировых революционных преобразований. Облака над загнетинской вотчиной могут рассматриваться и как авторский символ несовершенной жизни, грядущее изменение которой должно быть необходимым следствием «красного пожара» революции. И вместе с тем в пейзажной зарисовке ощущается неясная тревога, смутное предчувствие «уж далеко не лучших перемен».

Открытость финала разомкнутость сюжетного движения в будущее подтверждает неоднозначную авторскую трактовку современной социальной действительности. Подобно Н. Клюеву и П. Карпову, А. Ганин обращается к реальному и ирреальному, земному и божественному, изображает реальную Русь и крестьянскую идиллию.

Поэтика романа «Завтра» свидетельствует о переплетении реалистически-конкретного и мифологизированого восприятия социальной реальности, что типично не только для А. Ганина и всей новокрестьянской прозы, но для тех писателей первой половины 1920-х годов, художественные поиски которых шли в различных направлениях, тех, чье творчество традиционно относят и к искусству социалистического реализма (М. Шолохов и А. Неверов), и к критическому реализму (В. Шишков), и к революционному романтизму (Вс. Иванов). Разумеется, у каждого был

¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 121.

свой способ включения мифопредставлений в художественную реальность, но мифологизация революции и послереволюционной действительности стала неоспоримым фактом литературы 1920-х годов.

Маленький роман А. Ганина «Завтра» многослоен, неоднозначен по авторскому видению национального бытия и характера, по поэтике. И его незаконченность может оказаться иллюзией, литературным мифом, не столько потому, что нет серьезного подтверждения незавершенности романа архивными материалами, сколько потому, что текст романа обладает цельностью, завершенностью сюжета и концепции будущего, а фрагментарность, композиционная неразвернутость, жанровая «недовоплощенность» романа «Завтра» отражает незавершенность, незаконченность процесса познания мира, его открытость новым смыслам.

Эволюция творческого пути А.А. Ганина, интерес к социально ориентированной прозе оказались незавершенными, литературная деятельность была насильственно прервана, как и творческая жизнь его друзей и братьев по «крестьянской купнице». Роман «Завтра» и рассказ «Иван и корова» стали итогом исканий Ганина-прозаика, в которых нашло отражение художественное сознание эпохи. Содержание маленького рассказа «Иван и корова», напоминающего нравоучительный очерк-фельетон, не исчерпывается «народнической» темой деревенской нищеты. Его эпическим центром образует проблема национального характера, пассивного приятия жизни-доли и намеченная эскизом тема русской судьбы. Романский потенциал «Завтра» связан с глубиной осмысления путей к будущему, анализом народного сознания.

Ганину не суждено было повлиять на литературный процесс 20-х годов, но тонкая ниточка его творчества оказалась сплетенной с нравственно-философскими исканиями литературы 60 — 70-х годов, изображением народного характера в «деревенской прозе».

Литература первой половины 1920-х годов воспроизводила «закон масс». Преимущественный интерес к народному целому, к макрокосму сказался на прозаических жанрах, для которых было характерно центростремительное движение к эпопейности. Отдельный рассказ несет в себе ядро эпопеи, сборник становится эпическим циклом, роман — народной эпопеей. «Эпические масштабы произведений определяются не столько их фактическими размерами (часто небольшими), сколько внутренними масштабами постижения жизни, заложенными в них могучими эпическими возможностями». Рассказы П. Карпова давали социальный срез деревенской действительности начала 1920-х годов, акцентируя внимание читателя на особенностях восприятия революции и духовном состоянии личности. Новеллистика П. Романова раскрывала «народную стихию» в ее неподвижности, состоянии характера, рожденного социально-исторической средой. «Маленький» роман А. Ганина изображал движение широкого народного потока к желаемому «завтра». Монументальный эпический замысел художника, оборвавшийся на половине, предвосхищал единство макро-и микрокосма в эпических романах второй половины 1920-х годов.